

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 13(6), 2024]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Власов Н. А. Образы российских панславистов в Германской империи 1880-х годов / Н. А. Власов, Е. А. Колосков // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 6. — С. 322—343. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-6-322-343.

Vlasov, N. A., Koloskov, E. A. (2024). Images of Russian Pan-Slavists in German Empire of 1880s. *Nauchnyi dialog*, 13 (6): 322-343. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-6-322-343. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Образы российских панславистов в Германской империи 1880-х годов

Власов Николай Анатольевич

orcid.org/0000-0001-7476-268X

кандидат исторических наук, доцент

кафедры теории и истории

международных отношений,

корреспондирующий автор

n.vlasov@spbu.ru

Колосков Евгений Андреевич

orcid.org/0000-0002-8123-2924

кандидат исторических наук,

кафедра теории и истории

международных отношений

e.koloskov@spbu.ru

Санкт-Петербургский

государственный университет

(Санкт-Петербург, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено

при финансовой поддержке

Российского научного фонда (РНФ),

проект № 23-28-00090 «Образ

российского панславизма в Западной

Европе в последней трети XIX века»

Images of Russian Pan-Slavists in German Empire of 1880s

Nikolay A. Vlasov

orcid.org/0000-0001-7476-268X

PhD in History, Associate Professor

Department of Theory and History

of International Relations,

Corresponding author

n.vlasov@spbu.ru

Evgeny A. Koloskov

orcid.org/0000-0002-8123-2924

PhD in History,

Department of Theory and History

of International Relations

e.koloskov@spbu.ru

St. Petersburg State University

(St. Petersburg, Russia)

Acknowledgments:

The study is supported

by Russian Science Foundation,

project number 23-28-00090

“The image of Russian pan-slavism

in Western Europe in the last third

of the 19th century”

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Анализ образа России в Германии конца XIX века исключительно важен для понимания динамики развития отношений двух стран. Целью статьи является реконструкция образа российского панславизма в Германии 1880-х годов на примере четырех ключевых фигур (И. С. Аксакова, М. Н. Каткова, Н. П. Игнатьева и М. Д. Скобелева) и его сравнение с реальной действительностью. Исследование опирается на широкий круг немецких и российских источников. Ключевым методом является качественный контент-анализ. Сделан вывод о том, что немецкие наблюдатели — государственные деятели, партийные политики, публицисты — в целом верно оценивали характер взглядов тех российских акторов, которых относили к «вожакам панславизма». В то же время они значительно преувеличивали антигерманскую направленность этих взглядов и влияние «панславистов» на российскую внутреннюю и — главным образом — внешнюю политику. «Вожак панславизма» приписывалось гораздо большее влияние на российскую политику и общество, чем то, которым они обладали в реальности. Кроме того, на первый план выдвигалась антинемецкая направленность их мыслей и деятельности. Причинами подобного положения дел следует признать недостаток информации о принятии политических решений в России, а также априорное восприятие панславизма в первую очередь как угрозы для Германии. Это восприятие способствовало ухудшению российско-германских отношений в рассматриваемый период.

Ключевые слова:

русский панславизм; образ страны; российско-германские отношения; Иван Аксаков; Михаил Катков; Николай Игнатьев; Михаил Скобелев.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The analysis of Russia's image in Germany at the end of the 19th century is crucial for understanding the dynamics of the relationship between the two countries. This article aims to reconstruct the image of Russian Pan-Slavism in Germany in the 1880s through the examination of four key figures (I. S. Aksakov, M. N. Katkov, N. P. Ignatyev, and M. D. Skobelev) and compare it with reality. The study draws upon a wide range of German and Russian sources, employing qualitative content analysis as the primary method. The findings indicate that German observers — state officials, party politicians, and publicists — generally accurately assessed the views of those Russian actors labeled as “leaders of Pan-Slavism.” However, they significantly exaggerated the anti-German orientation of these views and the influence of the “Pan-Slavists” on Russian internal and, primarily, external policy. The “leaders of Pan-Slavism” were attributed much greater influence on Russian politics and society than they actually possessed. Additionally, their thoughts and activities were portrayed as predominantly anti-German. This situation can be attributed to a lack of information about political decision-making in Russia and a preconceived perception of Pan-Slavism primarily as a threat to Germany. Such perceptions contributed to the deterioration of Russian-German relations during the period under consideration.

Key words:

Russian Pan-Slavism; country image; Russian-German relations; Ivan Aksakov; Mikhail Katkov; Nikolay Ignatyev; Mikhail Skobelev.

Образы российских панславистов в Германской империи 1880-х годов

© Власов Н. А., Колосков Е. А., 2024

1. Введение = Introduction

Период между Восточным кризисом 1875—1878 годов и заключением российско-французского союза 1891—1892 годов являлся одним из ключевых в истории российско-германских отношений. Именно в этот период политическим руководством обеих стран были приняты решения, приведшие в конечном счете к участию обеих империй в двух противостоявших друг другу военно-политических блоках.

Важным фактором при принятии данных решений являлись, разумеется, представления о соседней стране, существовавшие у политических элит и общества двух держав. Естественно, что эти представления не были свободны от серьезных искажений, вызванных различными причинами: влиянием устоявшихся национальных стереотипов, соображениями идеологического характера, ограниченным доступом к информации о происходящем в высших эшелонах власти и т. д. Изучение характера этих искажений путем сравнения образа с реальностью представляется важной исследовательской задачей.

Образ России в Германской империи рассматриваемого периода изучен на сегодняшний день достаточно поверхностно и фрагментарно. Наиболее значимая обзорная работа по данной теме принадлежит Л. Копелеву [Korelew, 2000]; немецкая исследовательница М. Ламмих изучала образ России в немецких семейных и интеллектуальных журналах 1860—1870-х годов [Lammich, 1978]; реконструкцией образа России в системе представлений Отто фон Бисмарка занимались Н. А. Власов [Власов, 2021], У. Лисковски [Liszkowski, 2000] и А. С. Медяков [Медяков, 2015].

Тем не менее на основании проведенных исследований можно сделать вывод о том, что одной из ключевых составляющих представлений о России в Германской империи 1880-х годов был образ российского панславизма как могущественной и опасной силы, игравшей доминирующую

роль в политической и общественной жизни Российской империи. Именно поэтому данный образ был выбран в качестве объекта нашего анализа. Отметим, что в отечественной, равно как и в зарубежной историографии нет сложившегося определения панславизма. В рамках данного исследования мы будем использовать этот термин в качестве «зонтичного понятия», включающего в себя любые внешнеполитические концепции славянско-православной солидарности при участии России.

Представления о российском панславизме у различных деятелей германской военно-политической элиты и в отдельных категориях источников уже становились предметом самостоятельных исследований, например: [Власов, 2023] и др. Однако детальное сравнение этих представлений с реальным положением дел еще не проводилось. В качестве объектов для указанного сравнения были выбраны четыре фигуры, чаще всего упоминаемые в германских источниках в качестве лидеров российского панславизма: речь идет об И. С. Аксакове, М. Н. Каткове, Н. П. Игнатьеве и М. Д. Скобелеве.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Целью представленного исследования является сравнение образа российского панславизма в Германской империи 1880-х годов с реальностью на примере четырех исторических фигур — И. С. Аксакова, М. Н. Каткова, Н. П. Игнатьева и М. Д. Скобелева. Выбор этих деятелей обусловлен тем, что они наиболее часто упоминались в германских источниках различных типов (личные документы государственных деятелей, пресса, публицистика, парламентские речи) в качестве лидеров российского панславизма.

В соответствии с целью работы источниковая база исследования делится на две части. Для реконструкции образа «лидеров российского панславизма» в Германской империи используется широкий круг источников, включающий в себя сочинения (письма, речи и т. д.) представителей военно-политической элиты (в том числе О. фон Бисмарка, А. фон Вальдерзее, Г. Л. фон Швейница), материалы парламентских дискуссий, популярную литературу и наиболее влиятельные ежедневные газеты («Националь-цайтунг», «Кёльнише цайтунг» и «Фоссише цайтунг»). Данная источниковая база позволяет реконструировать образ рассматриваемых деятелей как у представителей политической элиты Германской империи, непосредственно участвовавших в принятии ключевых решений, так и у образованных слоев населения, интересовавшихся международной политикой и способных опосредованно влиять на внешнеполитический курс страны.

Вторая часть источниковой базы, необходимая для анализа реального положения дел, содержит, во-первых, периодические издания, выходив-

шие в указанный период и относящиеся к наиболее влиятельным в консервативной и околоправительственной среде (журналы «Гражданин», «Русская старина», газеты «Русь», Московские ведомости», «Правительственный вестник» и др.); во-вторых, документы, в той или иной степени отражающие деятельность ключевых фигур исследования (корреспонденция Победоносцева, Аксакова, дипломатическая переписка по выступлению Скобелева в Париже), в-третьих, мемуары политических и общественных деятелей, таких как Д. А. Милютин, Е. М. Феокистов, В. И. Немирович-Данченко, А. Ф. Кони, Н. П. Кропоткин и др. Данная источниковая база позволяет реконструировать не только реальное положение дел, но и образ рассматриваемых исторических деятелей в современной им России.

Ключевыми методами исследования являлись качественный контент-анализ и сравнительный анализ.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Иван Сергеевич Аксаков

В первую очередь необходимо отметить, что в германских источниках лишь эпизодически упоминаются идеологи российского панславизма, не участвовавшие напрямую в политической деятельности. К примеру, в текстах О. фон Бисмарка, нередко говорившего и писавшего о панславизме, такие упоминания отсутствуют вовсе.

Единственным заметным исключением является в данном случае фигура И. С. Аксакова (1823—1886). Германский посол в России Г. Л. фон Швейниц неоднократно упоминал его в своих дневниках и донесениях в Берлин. В 1881 году Швейниц включал Аксакова (наряду с М. Н. Катковым и К. П. Победоносцевым) в «триумвират московских политиков», советам которых Александр III следует во внутренней политике и, возможно, будет следовать в международных делах [Швейниц, 2024, с. 19]. Позднее он говорил о «фанатичных статьях Аксакова» [Там же, с. 46] и обвинял мыслителя в активном стремлении испортить российско-германские отношения [Там же, с. 103].

Широко известный немецкий публицист Ю. фон Эккардт, много писавший о российском панславизме и выделявший в нем различные направления, писал об И. С. Аксакове как о лидере «крестьянско-демократического» течения: он ненавидит европейские конституционные идеи, но считает всех русских природными демократами и выступает за необходимость ограничить власть бюрократии при помощи органов самоуправления. С другими течениями его объединяет лишь общая неприязнь к Западу [Eckardt, 1882, S. 329].

В германской качественной прессе 1880-х годов имя Аксакова встречается регулярно. Иногда он выступал на страницах газет в роли главы

«славянской партии» в российском обществе [Rußland und Polen..., 1881]. Часто подчеркивалась его враждебность европейской культуре, реакционность идей и стремление вернуть русский народ в состояние «московитского варварства» [Der russische Ministerwechsel..., 1881]. Аксаков изображался как пламенный ненавистник немцев и всего немецкого [Die Kaiserbegegnung..., 1881].

Смерть Аксакова в начале 1886 года также была отмечена германской прессой. В статье «Националь-цайтунг» от 10 февраля Аксаков характеризовался как человек весьма интеллигентный и приятный в личном общении, однако пропагандировавший разрушительные идеи. Он был назван главным виновником антинемецких настроений в России, автором «неясных и мистически-запутанных мыслей» [Der Moskauer Schriftsteller..., 1886].

В России с самого начала И. С. Аксаков воспринимается двояко. С одной стороны, он предстает хранителем идейных традиций своей семьи, в «роде своем последним» славянофилом [Победоносцев, 1886, с. 1.], со смертью которого «сходит со сцены глава целого направления» [Маркевич, 1886, с. 3]. С другой, признается, что человеком он считался «опасным», о нем говорили «как о социалисте» [Маркевич, 1886, с. 3]. Эта двойственность сохранилась и в рамках дореволюционной, советской и современной российской историографии — по сути, менялись лишь акценты. Последнего из (либеральных) славянофилов они называют представителем пореформенного, реакционного или консервативного панславизма [Дмитриев, 1941, с. 89; Цимбаев, 1978; Дудзинская, 1994.]. Это, безусловно, связано как с упомянутой выше проблемой определения понятий «славянофильство» и «панславизм», так и с трансформацией данной идеологии в эпоху Великих реформ и после нее.

Исследователями отмечено изменение целей «Руси» Аксакова в 1883 году от надежды «действовать благотворно на власть имеющих» к влиянию «не столько на правительство, сколько на общественное сознание» [Бадалян, 2010, с. 16]. Однако не существует единого мнения историков по вопросу отношения Аксакова к идее единства славян, к Западу вообще и к Германии в частности. Связано это в первую очередь с неоднозначной трактовкой Аксаковым задачи России: «явить новый культурный исторический тип, примирив в себе Восток и Запад на основе православно-славянской» [Аксаков, 1886, с. 677]. Спорной является и формулировка философом целей панславизма: Россия, согласно Аксакову, не посягает ни на земли, ни на внутреннюю свободу единоверных славян, желая лишь «уважения к её советам и руководству» [Аксаков, 1886, с. 681]. В период Болгарского кризиса Аксаков избрал в качестве оппонента в споре о внешней политике официальный орган МИД России «Journal de St.-

Pétersbourg», а также «Санкт-Петербургские ведомости» и «Новое время» [Бадалян, 2010, с. 16].

С другой стороны, очевидно стремление Аксакова к значительным реформам внутривластного устройства страны — вопрос, который издатель «Руси» поднял уже в первом номере, обсуждая парламентское правление. Дальнейшее развитие дискуссии о Земском соборе и «попытка его созыва Игнатьевым» привела к резкой реакции властей (едва не выраженной в форме предостережения) и представителей консервативной прессы, в том числе и «Московских ведомостей» [Бадалян, 2010, с. 19].

Таким образом, хотя немецкие наблюдатели относительно корректно оценивали общую идейную направленность И. С. Аксакова, они были склонны преувеличивать как его негативное отношение к Германии и всему немецкому, так и его реальное политическое влияние.

3.2. Михаил Никифорович Катков

Среди предполагаемых лидеров российского панславизма наибольшего числа упоминаний в 1880-е годы удостоивался Михаил Никифорович Катков (1817—1887), редактор весьма влиятельной консервативной газеты «Московские ведомости». В германских источниках его часто называли рупором и вожаком российского панславизма, единственным человеком, способным по степени своего влияния встать в один ряд с императором.

Именно такой образ М. Н. Каткова существовал у германской военно-политической элиты. В частности, в начале 1887 года канцлер О. фон Бисмарк называл Каткова и его окружение «чем-то вроде параллельного правительства» [Bismarck, 2018, S. 371]. «Настроения влиятельного московского общества во главе с газетой Каткова сами по себе сильно влияют на решения императора», — полагал канцлер [Bismarck, 2018, S. 350]. «Кто обладает императорским влиянием — Александр III или Катков? — такой вопрос приходится ставить», — писал Бисмарк в это же время прусскому военному министру П. Бронзарту фон Шеллендорфу [Bismarck, 2001, S. 427].

Именно от Каткова, считал Бисмарк, во многом зависит развитие российско-германских отношений. При этом германский канцлер обвинял российского публициста в том, что тот сознательно толкает императора и страну к войне с Германией, и подозревал, что Катков подкуплен французами [Bismarck, 2018, S. 430]. Влияние Каткова Бисмарк объяснял наличием у него могущественных покровителей в высших эшелонах власти, разделявших панславистские идеи [Bismarck, 2001, S. 472].

Аналогичных взглядов придерживались и другие представители германской военно-политической элиты. Старший сын канцлера — Г. фон Бисмарк — в период своей дипломатической службы в Петербурге в 1884 году докладывал: влияние Каткова так велико, что даже его еди-

номышленники-панслависты испытывают по этому поводу тревогу [Die Große Politik..., 1922, S. 324]. О «параллельном правительстве Каткова» писал в своем дневнике и генерал-квартирмейстер прусского генерального штаба А. фон Вальдерзее [Waldersee, 1922, S. 321]. Швейниц полагал, что Катков не только является лидером московских панславистов, но и оказывает непосредственное влияние на министров, а также проводит собственную «внешнюю политику» в отношениях с Францией [Швейниц, 2024, с. 218]. Германский посол возлагал на редактора «Московских ведомостей» основную ответственность за то, что либеральные и демократические взгляды значительной части российского общества сменились реакционными и националистическими [Швейниц, 2024, с. 335].

М. Н. Катков являлся также единственным лидером российского панславизма, имя которого неоднократно звучало в ходе германских парламентских дебатов. При этом образ российского публициста вне зависимости от партийной принадлежности ораторов демонстрировал все те же, уже описанные выше черты. К примеру, депутат Немецкой свободомыслящей партии Ю. Мёллер охарактеризовал Каткова как «возможно, самого влиятельного человека во всей России», чья газета «уже много лет самыми резкими словами обрушивается на немцев» [Stenografische Berichte..., 1886, S. 545].

Еще большее внимание деятельности М. Н. Каткова уделялось в германской публицистике и прессе 1880-х годов. Влиятельный публицист Ю. фон Эккардт характеризовал его как крупную самостоятельную фигуру, властителя дум российского общества, который искренне разделяет панславистские идеи и готов оказывать поддержку самодержавию лишь при условии, что его программа будет реализована [Eckardt, 1882, S. 329]. В газетах Катков нередко выступал в роли не просто лидера, а олицетворения могущественного российского панславизма. Ему приписывалось большое влияние на внутреннюю и внешнюю политику, способность не просто оказывать поддержку, а буквально руководить действиями министров [Ignatiev's Ausichten, 1881]. Каткова называли самым могущественным частным лицом в России, человеком, уступающим по своему влиянию только лично императору [Katkow und die russische Regierung..., 1887]. Когда в 1887 году «Московские ведомости» выступили с открытой критикой внешнеполитического курса, проводимого министром иностранных дел Н. К. Гирсом, немецкая пресса встревожилась: не будет ли это означать резкий перелом в политике Петербурга? Смерть знаменитого публициста вызвала в германской прессе, в том числе официозной, плохо скрываемую радость: ее называли большой потерей для панславистов, поскольку именно личное влияние Каткова являлось главным козырем этой группировки [Rundschau..., 1887].

Пытаясь разгадать тайну огромного влияния Каткова на российскую политику, германская пресса указывала на различные факторы: связи в высоких кругах, личное расположение Александра III, популярность выпускаемой им газеты. «Националь-цайтунг» даже намекала на то, что у московского публициста могли иметься некие компрометирующие императора документы [Giers und Katkow..., 1887].

При этом степень влияния Каткова на умы образованного российского общества оценивалась по-разному. Наряду с уже приводившимся выше образом «властителя дум» существовала и противоположная точка зрения: Катков является лидером маленькой, но шумной группировки, в целом же он стал самым непопулярным и даже ненавистным человеком в России [Der Panslawismus..., 1887].

В современной отечественной историографии в М. Н. Каткове также нередко видят в первую очередь «политическую фигуру», резко активизировавшуюся после смерти Александра II и восшествия на престол Александра III [Лукоянов, 2018, с. 232]. Тем не менее апогеем его «власти» стала возможность излагать свои взгляды и оценки в личных письмах императору, о чем было хорошо известно современникам. Некоторые из последних восторженно отзывались о его вкладе в формирование российской внешней политики в 1880-е годы: «Он выступил в такой роли, которая приобрела ему громадную популярность в русском обществе, сделала имя его ненавистным в Германии и Австрии, заставила Францию не скупиться на выражение ему своих симпатий и возбуждала неизмеримое против него озлобление нашей дипломатии» [Феоктистов, 1991, с. 243]. Сам Катков «скромно» писал царю в 1884 году, что в его «Московских ведомостях» «не просто отражались дела, в ней многие дела делались» [Вождь реакции..., 1917, с. 21]. Таким образом, о большом политическом влиянии Каткова говорили не только в Германии, но и в России.

Влияние, роялизм и панславизм у Каткова остаются предметом дискуссий современных исследователей [Лукоянов, 2018, с. 232; Котов, 2024, с. 34]. В советской историографии традиционно клеймили консерватизм вождя панславизма [Ленин, 1968, с. 43—44; Кирпотин, 1927, с. 152], в постсоветской — превозносили его, особенно после празднований в 2018 году 200-летия его рождения [Маслин, 2018]. По мнению М. Т. Флоринского, «широкого подхода панславянской политической программы время от времени поддерживались российские ультраконсерваторы, например, влиятельный реакционер публицист М. Н. Катков, который не очень заботился об идеологических и исторических атрибутах панславизма» [Флоринский, 2013, с. 282]. Сам же Катков в статье «Интрига своих и чужих врагов против русского чувства» давал следующее определение: «Панславизм в Рос-

сии не есть программа какой-либо партии, а политическая исповедь русского народа» [Катков, 1877].

Так или иначе, «пик действий “в унисон” царя и журналиста» [Лукоянов, 2018, с. 232] — 1887 год — совпадает с крахом попыток влияния Каткова на внешнюю политику путем всеподданейших записок и громких антиавстрийских и антинемецких статей. Ярче всего это охарактеризовал сам Александр III, заявивший, согласно воспоминаниям Феоктистова: «Вообще Катков забывается и играет роль какого-то диктатора, забывая, что внешняя политика зависит от меня и что я отвечаю за последствия, а не г-н Катков; приказываю дать Каткову первое предостережение за эту статью и вообще за все последнее направление, чтобы уговорить его безумие и что всему есть мера» [Феоктистов, 1991, с. 244—245].

Как можно видеть, немецкие оценки могущества М. Н. Каткова и его влияния на российскую политику были преувеличенными. Являясь яркой публичной фигурой, московский публицист, тем не менее, отнюдь не был главой «параллельного правительства», а его воздействие на внешнюю политику являлось в действительности весьма ограниченным. Что же касается взглядов Каткова, то, как показано выше, немецкие трактовки находятся в рамках того диапазона оценок, которые даются современными исследователями.

3.3. Николай Павлович Игнатьев

Среди российских государственных деятелей, считавшихся в Германии главными представителями панславизма, особое место занимает граф Н. П. Игнатьев (1832—1908). Активность этого высокопоставленного дипломата в ходе Восточного кризиса 1875—1878 годов, его деятельность на посту министра внутренних дел и возможное назначение на пост министра иностранных дел в начале 1880-х годов вызывали живой интерес в Берлине. При этом образ Игнатьева был однозначно негативным — и как человека, и как политического деятеля. Игнатьев изображался хитрым и лживым интриганом, готовым поставить собственную страну в опасное положение ради достижения личных целей.

Бисмарк, упоминая об Игнатьеве, подчеркивал в первую очередь антинемецкий характер его деятельности [Bismarck, 2008, S. 404]. Гораздо более подробную характеристику дипломату давал Швейниц. «Министром внутренних дел назначен известнейший лжец», — прокомментировал посол новость о назначении Игнатьева в своем дневнике [Швейниц, 2024, с. 19]. При поддержке «московской партии» новый министр открыто нападает на официальный внешнеполитический курс и требует более агрессивных действий на международной арене [Там же, с. 36]. По мнению Швейница, однако, Игнатьев являлся не убежденным панславистом-«фанатиком» вроде Победоносцева, а лишь ловким оппортунистом [Там же, с. 39].

В таком же ключе в конце 1881 года Швейниц писал о «славофилах Каткове, Аксакове и подчинившемся им Игнатьеве», явно подразумевая, что идеологи играют главенствующую роль [Schweinitz, 1928, S. 182]. Однако эта точка зрения оставалась скорее исключением; чаще Игнатьев рассматривался как самостоятельная фигура, использующая панславистов в собственных интересах. Именно так описывал его деятельность, в частности, Ю. фон Эккардт, называвший Игнатьева «крестным отцом московского славофильства» [Eckardt, 1881, S. 407].

Немецкая пресса начала 1880-х годов уделяла деятельности Игнатьева большое внимание. Его описывали как беспринципного, скрытного, лживого, но при этом смелого, предприимчивого и гибкого [Graf Ignatiew..., 1881]; называли самым ловким интриганом в окружении Александра III, тесно связанным с «московской партией» [Ignatiew's Aussichten..., 1881]. Возможное назначение Игнатьева на пост министра иностранных дел рассматривалось как окончательная победа панславистской политики [Finanzreform und Panslavismus..., 1881]. Это, с точки зрения немецкой прессы, неизбежно должно было привести к резкому обострению российско-германских отношений. «Фосская газета» даже заявила, что назначение Игнатьева руководителем внешнеполитического ведомства было бы равнозначно объявлению войны [Gortschakow's Rücktritt..., 1882].

Высказывались разные точки зрения по поводу того, насколько искренне сам Игнатьев разделял панславистские идеи; по одной из версий, он лишь использовал их в качестве инструмента одурачивания русского народа [Die diplomatische Quarantäne..., 1882]. Как бы то ни было, его отставка в 1882 году была воспринята с большим облегчением.

В историографии достаточно подробно изучена деятельность Н. П. Игнатьева как на дипломатическом поприще, так и в качестве одного из акторов внутривосточного кризиса конца 1870-х — начала 1880-х годов [Зайончковский, 1964]. Значительно меньшее внимание уделяется его последующей деятельности [Горинов, 2007]. Наибольшую известность и такие прозвища, как «Вице-султан», «Мефистофель Востока», «Ментир[лжец]-паша», Игнатьев получил в бытность свою послом в Константинополе, в том числе по итогам заключения Сан-Стефанского мира с Турцией, вызвавшего известные международные последствия и приведшие его к скорой отставке с дипломатической службы. Большинство современных исследователей убеждено в наличии сложных отношений между Горчаковым и Игнатьевым в ходе Восточного кризиса и последующих событий; отмечаются опасения Горчакова, что Игнатьев мог стать его преемником [Вах и др., 2020, с. 11]. Некоторые исследователи склонны видеть в этом существование двух «школ» отечественной дипломатии: прозападной, на-

правленной на участие в «европейском концерте» (Горчаков), и «национальной», понимающей «русские национальные интересы и русские религиозные национальные интересы, религиозно-имперские интересы и на Востоке, и в политике в целом» (Игнатъев) [Хевролина, 2006, с. 117].

Достаточно противоречивы оценки Игнатъева как сторонника идей панславизма: ряд исследователей не сомневаются в этой особенности политических взглядов графа [Хевролина, 2006; Канина, 2006], другие, наоборот, более осторожны и пишут скорее об использовании данных идей в качестве инструмента достижения иных целей [Блуднова, 2006, с. 96—97] или применяют эпитет «околославянофильский консерватизм» [Полунов, 2015, с. 31—34]. Из числа современников к «людям, зараженным “славянофильской теорией”, то есть дорожащим выше всего достоинством и честью России, ее призванием на Востоке, ее назначением как Славянской, восточнохристианской державы», Игнатъева относил, в частности, И. С. Аксаков [Аксаков, 1887, с. 668].

Достаточно серьезно разнятся оценки политического положения Игнатъева при Александре III в контексте особенностей его карьеры при предыдущем императоре. Крестный отец графа — Александр II — отправил его в 1879 году в Нижний Новгород, откуда Игнатъев вернулся только при поддержке Лорис-Меликова 25 марта 1881 года. Его дальнейшее продвижение по карьерной лестнице — 4 мая он стал министром внутренних дел — связано с совершенно иной политической силой, К. П. Победоносцевым, который разглядел в графе «здоровые инстинкты и русскую душу» [Письма Победоносцева..., 1926, с. 316—317.]. Но уже год спустя влиятельный обер-прокурор Синода пришел в ужас от вполне славянофильской идеи своего ставленника — созыва Земского собора. В историографии также нет общего мнения по поводу происхождения этого проекта: ряд исследователей приписывает Игнатъеву роль «рупора аксаковско-голохвастовских идей» [Зайончковский, 1964, с. 452.], некоторые, наоборот, видят в этом взгляды самого Игнатъева [Горин, 2007, с. 23]. Современники выдвигали разные версии целей проекта министра внутренних дел. «Цель Игнатъева — премьерство», — утверждал П. Д. Голохвастов, один из соавторов проекта [Зайончковский, 1960, с. 132—133.]. На последнем этапе борьба за созыв Земского собора стала предметом дискуссии на страницах прессы: Катков высказался против этого проекта, Суворин и Аксаков, напротив, одобрили его [Бадалян, 2013, с. 32—33]. Однако сам факт обсуждения и позиция Победоносцева сделали отставку Игнатъева неизбежной.

Помимо проекта созыва Земского собора, в период своего пребывания на министерском посту Игнатъев прославился национальной политикой на окраинах империи. В частности, им в начале 1882 года была организована

сенаторская ревизия Н. А. Манасеина остзейских губерний, результатом которой стало наступление на немецкие привилегии [Горинов, 2007, с. 20].

После отставки Игнатьева с поста министра внутренних дел можно отметить его критическое выступление против заключения российско-германского договора о торговле и мореплавании, а также его активное участие в продвижении благотворительской и издательской деятельности Славянского [Петербургского] благотворительного общества на Балканах [Горинов, 2007, с. 24] и церковных мероприятиях Победоносцева [Полунов, 2015, с. 34].

Сложно сказать, насколько оправданными оказались бы мрачные прогнозы немецких наблюдателей, если бы Игнатьеву была суждена более долгая и успешная политическая карьера. Его жажда власти, склонность к интригам, а также стремление опереться на панславистские круги являются вполне реальными. Что же касается истинных взглядов Игнатьева, то, как уже отмечалось выше, вопрос об искренности панславистских убеждений графа остается открытым по сегодняшний день.

3.4. Михаил Дмитриевич Скобелев

Если Н. П. Игнатьев в начале 1880-х годов воспринимался как лидер панславистов в государственном аппарате, то М. Д. Скобелев (1843—1882) — как «военный апостол панславизма» [Rundschau im Auslande..., 1882]. Большое внимание к фигуре «белого генерала» оказалось приковано после его публичных выступлений в Петербурге и Париже в начале 1882 года, в которых он выступил с поддержкой идей панславизма, за более активную наступательную внешнюю политику. В Германии эти выступления были восприняты как непосредственная угроза.

О. фон Бисмарк в докладе германскому императору в феврале 1882 года писал о том, что Скобелев представляет собой новое для российской армии явление — генерала с политическими амбициями, апеллирующего к широкой публике [Bismarck, 2010, S. 51]. Вальдерзее отметил в своем дневнике, что сам факт публичных выступлений генерала означает «опасную для нас слабость царя», явно не санкционировавшего эти речи [Waldersee, 1922, S. 218]. Швейниц писал, что выходки Скобелева опасны в первую очередь для внутренней ситуации в России; большинство разумных людей это понимали, и поэтому генерала критиковали даже панслависты [Швейниц, 2024, с. 50].

Германская пресса высказывала аналогичные соображения и, более того, пыталась объяснить причины действий генерала. Все издания сходились в том, что петербургское и парижское выступления сделали Скобелева «знаменосцем панславизма», ключевой фигурой этого движения [Frankreich..., 1882]. Генерал в одночасье стал народным трибуном, его популярность значительно усилилась. Бросив вызов российскому правительству, он поставил императора перед выбором: пойти панславистским курсом

или вступить в конфликт с популярным лидером. Задача Скоболева, писала «Фоссише цайтунг», заключается в том, чтобы развязать общеевропейскую войну, направив туда мощную разрушительную энергию, скопившуюся внутри страны [General Skobeleff..., 1882]. «Кёльнише цайтунг» обвиняла генерала в стремлении на волне панславистского подъема сместить императора и стать народным диктатором [Skobelew..., 1882]. В других публикациях подчеркивалось, что Скобелев является по сути продолжателем традиций князя А. М. Горчакова и действует в полном согласии с Н. П. Игнатьевым; таким образом, действия генерала становились не выходкой честолюбивого одиночки, а частью большого течения в российских правящих кругах [Die diplomatische Quarantäne..., 1882]. Неизменно говорилось и о ненависти Скобелева к Германии и немцам [Skobelew..., 1882].

Неудивительно, что скоропостижная смерть генерала летом 1882 года была воспринята немецкой прессой как серьезное поражение российско-го панславизма, потерявшего в его лице энергичного и популярного лидера, и весьма позитивное событие для мира и стабильности в Европе [Die Woche..., 1882]. При этом имя Скобелева еще многие годы не исчезало со страниц немецких газет, оставаясь синонимом радикального, воинственного панславизма [Chauvinismus und Panslawismus..., 1886], что, возможно, связано с всплеском публикаций на смерть «белого генерала», массово появляющихся в русской печати как в самой России [Чехов, 1882; Немирович-Данченко, 1882], так и за границей [Несколько слов..., 1887].

Яркая военная карьера Скобелева, его возможные политические амбиции, грозные выступления в Петербурге и Париже и ранняя загадочная смерть — все это не могло не вызвать у современников живого интереса к данной фигуре, стимулировавшего рождение полноценной легенды о «белом генерале». В современной России тайне последних лет его жизни посвящен целый ряд работ [Шолохов, 1992; Базанов, 2012, с. 77—78; Глушков, 2023], впрочем, не предлагающих альтернативных подходов к оценке этой, бесспорно, неординарной личности.

Еще современники спорили о планах Скобелева по возвращении его из Ахал-текинской экспедиции 1880—1881 годов в контексте возможной дальнейшей карьеры при новом императоре. Его имя вскоре стали связывать с перспективами изменения внутривнутриполитического курса империи, превращая популярного военачальника то в Наполеона, вернувшегося из Египта [Несколько слов..., 1887, с. 6.], то в испанского генерала, замысливающего мятеж с участием Лориса-Меликова [Кропоткин, 1988, с. 420; Кони, 1922, с. 21—22].

Отсутствие прямых доказательств существования заговора сторонники данной концепции пытались компенсировать известным письмом Победоносцева Александру III, в котором обер-прокурор Синода указывает,

что «белый генерал» «стал великой силой и приобрел на массу громадное нравственное влияние; то есть, люди ему верят и за ним следуют. Это ужасно важно, и теперь важнее, чем когда-нибудь» [Победоносцев..., 1923, с. 233—234]. С учетом того, что автор письма предвидит «скорбную возможность такого состояния, в котором одни будут за Вас, другие против Вас», налицо стремление усилить позиции нового императора в условиях реальной угрозы со стороны лиц, «нерасположенных к Вашему величеству и считающих себя обиженными» [Победоносцев..., 1923, с. 233—234].

Таким образом, угрозу императору со стороны Скобелева видели не только германские, но и российские его современники. Сегодняшние исследования в основном не подтверждают реальности подобной угрозы. Что же касается знаменитых антинемецких речей генерала в Петербурге и Париже, то они вызвали достаточно резкое недовольство лично царя, его окружения и непонимание современников, симпатизирующих Скобелеву. «Правительственный вестник» подчеркивал, что «подобные частные заявления от лица, не уполномоченного правительством, не могут, конечно, ни влиять на общий ход нашей внешней политики, ни изменять наших добрых отношений с соседними державами» [Милютин, 1950, с. 168].

Скоропостижная смерть Скобелева оставила неразрешенным ряд вопросов, связанных с его убеждениями и политическими намерениями. Однако несомненным представляется тот факт, что немецкие наблюдатели значительно преувеличивали возможности Скобелева, представляя его в облике поистине демонической фигуры, и приписывали намерения, которые невозможно охарактеризовать иначе, как только плоды весьма богатого воображения.

4. Заключение = Conclusions

В результате проведенного исследования можно сделать вывод о том, что немецкие наблюдатели — государственные деятели, партийные политики, публицисты — в целом верно оценивали характер взглядов тех российских акторов, которых относили к «вожакам панславизма». В то же время они значительно преувеличивали как антигерманскую направленность этих взглядов, так и влияние «панславистов» на российскую внутреннюю и — главным образом — внешнюю политику. «Вожаки панславизма» сплошь и рядом представляли фигурами более могущественными и опасными для Германии, чем они являлись на самом деле.

Причин этого искажения может быть много, однако главными, на наш взгляд, являлись две. С одной стороны, процессы принятия политических решений в самодержавной России были не слишком прозрачными, и, как было показано выше, даже российские современники были вынуждены

строить догадки и серьезно расходились в оценках происходящего. Ожидать от иностранцев более точных и взвешенных оценок было бы в этой ситуации некорректно. С другой стороны, следует помнить о том, что панславизм воспринимался немецкими наблюдателями в первую очередь как актуальная и непосредственная угроза для Германии (многие идеологи панславизма действительно воспринимали немцев как противников). Это приводило к тому, что внимание наблюдателей сосредотачивалось на данной угрозе, и подобная фокусировка практически неизбежно влекла за собой преувеличение как масштаба явления, так и его опасности. К этому добавлялся еще ряд факторов, включая сложившиеся национальные стереотипы и целенаправленную деятельность ряда влиятельных публицистов остзейского происхождения (таких как упомянутый выше Ю. фон Эккардт) по формированию негативного образа России в немецком обществе. В общем и целом это приводило к восприятию Российской империи на всех уровнях как опасного соседа и ненадежного партнера, что не могло не сказаться на развитии российско-германских отношений конца XIX века.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.
--	--

Источники и принятые сокращения

1. Аксаков И. С. Сочинения : в 7 томах / И. С. Аксаков. — Москва : Типография М. Г. Волчанинова (бывш. М. Н. Лаврова и К°), 1886. — Т. 1. — 791 с.
2. Аксаков И. С. Сочинения : в 7 т. / И. С. Аксаков. — Москва : Типография М. Г. Волчанинова (бывш. М. Н. Лаврова и К°), 1887. — Т. 5. — 675 с.
3. *Вождь* реакции 60-80-х годов. Письма Каткова Александру III // Былое. — 1917. — Книга 4. — С. 3—32.
4. К. П. *Победоносцев* и его корреспонденты ; письма и записки. — Москва-Петроград : Государственное издательство, 1923. — 439 с.
5. Катков М. Н. Интрига чужих и своих врагов против русского народного чувства [Электронный ресурс] / М. Н. Катков // Московские ведомости — 1877. — 20 октября. — № 260. — Режим доступа : http://az.lib.ru/k/katkov_m_n/text_1877_intriga.shtml (дата обращения 13.05.2024).
6. Кони А. Ф. На жизненном пути / А. Ф. Кони. — Ревель — Берлин : Тип. т-ва печ. и изд. дела Труд, 1922. — Т. 3. — Ч. I. — 628 с.
7. Кропоткин П. А. Записки революционера / П. А. Кропоткин. — Москва : Московский рабочий, 1988. — 544 с.
8. Маркевич А. И. И. С. Аксаков и его значение : (Речь, чит. В заседании Слав. благотвор. о-ва) / А. И. Маркевич. — Одесса : Тип. «Одес. вестн.», 1886. — 18 с.
9. Милютин Д. А. Дневник Д. А. Милютина. 1881—1882 / Д. А. Милютин. — Москва : Тип. Б-ки им. В. И. Ленина, 1950. — Т. 4. — 204 с.

10. *Немирович-Данченко В. И.* Скобелев : личные воспоминания и впечатления В. И. Немировича-Данченко / В. И. Немирович-Данченко, А.Ф. Девриен — Санкт-Петербург: Тип. Имп. Акад. Наук, 1882. — 358 с.
12. *Несколько слов о генерале Скобелеве* : (По поводу брошюры г-жи Адам «Генерал Скобелев») / Русского офицера [псевд.]. — Женева : тип. «Общего дела», 1887. — 42 с.
13. *Победоносцев К. П.* Аксаковы [Некролог Ивана Сергеевича Аксакова] / К. П. Победоносцев. — Санкт-Петербург : Тип. т-ва «Обществ. польза», 1886. — 8 с.
14. *Письма Победоносцева к Александру III.* Центрархив 1865—1882 гг. / с предисл. М. Н. Покровского. — Москва : Новая Москва, 1926. — 448 с.
15. *Феокистов Е. М.* За кулисами политики и литературы (1848—1896) / Е. М. Феокистов. — Москва : Новости, 1991. — 460 с.
16. *Чехов Н. П.* Михаил Дмитриевич Скобелев, его жизнь и служба родине / Н. П. Чехов. — Москва : Издание Н. К. Коды и И. С. Матросова, 1882. — 81 с.
17. *Швейниц Л.* При дворе Александра III. Дневник германского посла / Л. Швейниц. — Санкт-Петербург : Евразия, 2024. — 352 с. — ISBN 978-5-8071-0613-1.
18. *Bismarck O.* Gesammelte Werke. Abteilung III : 1871—1898. Schriften / O. Bismarck. — Paderborn : Ferdinand Schöningh, 2008. — Bd. 3. — 659 S.
19. *Bismarck O.* Gesammelte Werke. Abteilung III : 1871—1898. Schriften / O. Bismarck. — Paderborn : Ferdinand Schöningh, 2010. — Bd. 5. — 678 S.
20. *Bismarck O.* Gesammelte Werke. Abteilung III : 1871—1898. Schriften / O. Bismarck. — Paderborn : Ferdinand Schöningh, 2018. — Bd. 7. — 681 S.
21. *Bismarck O.* Werke in Auswahl / O. Bismarck. — Darmstadt : Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 2001. — Bd. 7. — 807 S.
22. *Chauvinismus und Panslawismus* // National-Zeitung. — 1886. — № 685. — S. 1.
23. *Der Moskauer Schriftsteller...* // National-Zeitung. — 1886. — № 92. — S. 2.
24. *Der Panslawismus und Herr Katkow* // National-Zeitung. — 1887. — № 91. — S. 1.
25. *Der russische Ministerwechsel* // National-Zeitung. — 1881. — № 227. — S. 1.
26. *Die diplomatische Quarantäne gegen Rußland* // National-Zeitung. — 1882. — № 108. — S. 1.
27. *Die Große Politik der Europäischen Kabinette 1871—1914.* — Berlin : Deutsche Verlagsgesellschaft für Politik und Geschichte, 1922. — Bd. 3. — 454 S.
28. *Die Kaiserbegegnung in Danzig* // Kölnische Zeitung. — 1881. — № 251. — S. 1.
29. *Die Woche* // Kölnische Zeitung. — 1882. — № 194. — S. 1.
30. *Eckardt J.* Russische Wandlungen. Neue Beiträge zur Russischen Geschichte von Nicolaus I. zu Alexander III / J. Eckardt. — Leipzig : Verlag von Duncker&Humblot, 1882. — 412 S.
31. *Eckardt J.* Von Nicolaus I. zu Alexander III. St. Petersburger Beiträge zur neuesten Russischen Geschichte / J. Eckardt. — Leipzig : Verlag von Duncker&Humblot, 1881. — 426 S.
32. *Finanzreform und Panslavismus in Rußland* // National-Zeitung. — 1881. — № 386. — S. 1.
33. *Frankreich* // Kölnische Zeitung. — 1882. — № 49. — S. 1.
34. *General Skobelev* // Vossische Zeitung. — 1882. — № 85. — S. 1.
35. *Giers und Katkow* // National-Zeitung. — 1887. — № 194. — S. 2.
36. *Gortschakow's Rücktritt* // Vossische Zeitung. — 1882. — № 168. — S. 1.
37. *Graf Ignatiew, die Zustände in Rußland und der europäische Friede* // Kölnische Zeitung. — 1881. — № 38. — S. 1.
38. *Ignatiew's Aussichten* // Vossische Zeitung. — 1881. — № 233. — S. 1.
39. *Katkow und die russische Regierung* // National-Zeitung. — 1887. — № 184. — S. 1.

40. *Rundschau* // Teltower Kreisblatt. — 1887. — № 89. — С. 1.
41. *Rundschau im Auslande* // Norddeutsche Allgemeine Zeitung. — 1882. — № 84. — С. 1.
42. *Rußland und Polen* // National-Zeitung. — 1881. — № 175. — С. 3.
43. Schweinitz H. L. v. Briefwechsel des Botschafters General v. Schweinitz / H. L. v. Schweinitz. — Berlin : Verlag von Reimar Hobbing, 1928. — 398 S.
44. Skobelev // Kölnische Zeitung. — 1882. — № 54. — С. 1.
45. *Stenografische Berichte* über die Verhandlungen des Deutschen Reichstags. — Berlin : Verlag der Buchdruckerei der Norddeutschen Allgemeinen Zeitung, 1886. — Bd. 1. — 677 S.
46. *Waldersee A. Denkwürdigkeiten* / A. Waldersee. — Stuttgart, Berlin : Deutsche Verlags-Anstalt, 1922. — Bd. 1. — 423 S.

Литература

1. Бадалян Д. А. Полемика о Земском соборе в русской прессе начала 1880-х годов / Д. А. Бадалян // Труды Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств (см. В книгах). — 2013. — Т. 201. — С. 27—36.
2. Бадалян Д. А. И. С. Аксаков и газета «Русь» в общественной жизни России : автореферат диссертации ... кандидата исторических наук : 07.00.02 / Д. А. Бадалян. — Санкт-Петербург, 2010. — 26 с.
3. Базанов С. Н. «Суворову равный» / С. Н. Базанов // Военно-исторический журнал. — 2012. — № 4. — С. 77—78.
4. Блуднова Е. Ю. Н. П. Игнатьев о восточном (балканском) вопросе / Е. Ю. Блуднова // Вестник РУДН. Серия «Международные отношения». — 2006. — № 1 (6). — С. 95—99.
5. Вах К. А. К истории деятельности Н. П. Игнатьева на посту министра внутренних дел (1881—1882) : по материалам дневника митрополита Исидора (Никольского) / К. А. Вах, А. Ю. Полунов // Государственное управление. Электронный вестник. — 2020. — № 83. — С. 5—21. — DOI: 10.24411/2070-1381-2020-10106.
6. Власов Н. А. Образ российского панславизма в германской официозной прессе конца XIX века / Н. А. Власов // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 10. — С. 326—343. — DOI: <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2023-12-10-326-343>.
7. Власов Н. А. Россия глазами Бисмарка / Н. А. Власов. — Санкт-Петербург : Евразия, 2021. — 286 с. — ISBN 978-5-8071-0548-6.
8. Глушков В. В. Генералы М. Д. Скобелев и А. Н. Куропаткин : свет и тень Русской армии! [Электронный ресурс] / В. В. Глушков // Военно-исторический журнал 10.10.2023. — Режим доступа : <http://history.milportal.ru/general-y-m-d-skobelev-i-a-n-kuropatkin-svet-i-ten-russkoj-armii/> (дата обращения 13.05.2024).
9. Горинов М. М. Государственная и общественная деятельность графа Н. П. Игнатьева : 1879—1908 гг. : автореферат диссертации ... кандидата исторических наук : 07.00.00 / М. М. Горинов. — Москва, 2007. — 26 с.
10. Дмитриев С. С. Славянофилы и славянофильство / С. С. Дмитриев // Историк-марксист. — 1941. — № 1. — С. 85—96.
11. Дудзинская Е. А. Славянофилы в пореформенной России / Е. А. Дудзинская. — Москва : Российская академия наук, Ин-т российской истории, 1994. — 276 с.
12. Зайончковский П. А. Кризис самодержавия на рубеже 1870—1880 гг. / П. А. Зайончковский. — Москва : Издательство МГУ, 1964. — 514 с.
13. Зайончковский П. А. Попытка созыва земского собора и падение министерства Н. П. Игнатьева / П. А. Зайончковский // История СССР. — 1960. — № 5. — С. 132—133.

14. Канина К. Рыцарь Балкан. Граф Н. П. Игнатьев / К. Канева. — Москва : ЗАО Центрполиграф, 2006. — 523 с. — ISBN 5-9524-2470-8.
15. Кирпотин В. Я. Катков накануне польского восстания / В. Я. Кирпотин // Звезда. — 1927. — № 7. — С. 141—152.
16. Котов А. Э. «Эгоизм есть добродетель народов» : Русские консерваторы и славянский вопрос на рубеже 1880-х — 1890-х гг. / А. Э. Котов // Современная наука : актуальные проблемы теории и практики. Серия : Гуманитарные науки. — 2024. — № 02. — С. 34—39. — DOI: 10.37882/2223-2982.2024.02.17.
17. Ленин В. И. Полное собрание сочинений : в 55 т. Июль 1912 — февраль 1913 / В. И. Ленин. — Москва : Издательство политической литературы, 1968. — Т. 22. — 599 с.
18. Лукоянов И. В. М. Н. Катков и внешняя политика Российской империи в царствование Александра III (1880-е годы) / И. В. Лукоянов // Тетради по консерватизму. Альманах. — 2018. — № 3. — С. 232—244. — DOI: 10.24030/24092517-2018-0-3-232-244.
19. Маслин М. А. К вопросу об «охранительном национализме» М. Н. Каткова / М. А. Маслин // Тетради по консерватизму. Альманах. — 2018. — № 3. — С. 13—24.
20. Медяков А. С. «Наш Бисмарк»? Россия в политике и взглядах «железного канцлера» Германии / А. С. Медяков // Российская история. — 2015. — № 6. — С. 63—84.
21. Полунов А. Славянофильское министерство. Победоносцев и граф Игнатьев в начале 1880-х годов / А. Полунов // Родина. — 2015. — № 2. — С. 31—34.
22. Флоринский М. Т. Россия : История и интерпретация. В 2 т. / М. Т. Флоринский. — Санкт-Петербург : Наука, 2013. — Т. 2. — 670 с. — ISBN 978-5-02-037120-0.
23. Хевролина В. М. Российский дипломат граф Н. П. Игнатьев : личность, программа, тактика / В. М. Хевролина // Труды Института российской истории. — 2006. — Выпуск 6. — С. 99—119.
24. Цимбаев Н. И. И. С. Аксаков в общественной жизни пореформенной России / Н. И. Цимбаев. — Москва : Изд-во МГУ, 1978. — 264 с.
25. Шолохов А. Б. Загадка смерти генерала Скобелева / А. Б. Шолохов // Знание. Под знаком Марса. — 1992. — № 3. — С. 62—64.
26. Kopelew L. Am Vorabend des großen Krieges / L. Kopelew. // Russen und Rußland aus deutscher Sicht. 19/20. Jahrhundert : Von der Bismarckzeit bis zum Ersten Weltkrieg. — München : Wilhelm Fink Verlag, 2000. — S. 11—109.
27. Lammich M. Das deutsche Osteuropa-Bild in der Zeit der Reichsgründung / M. Lammich. — Boppard am Rhein : Harald Boldt, 1978. — 298 S.
28. Liszkowski U. Von dynastischen Brücken zu Schutzdeichen gegen die russische Gefahr — Bismarcks Rußlandbild / U. Liszkowski // Rußland und Russen aus deutscher Sicht. 19./20. Jahrhundert : Von der Bismarckzeit bis zum Ersten Weltkrieg. — München : Wilhelm Fink Verlag, 2000. — S. 111—145.

*Статья поступила в редакцию 16.05.2024,
одобрена после рецензирования 05.07.2024,
подготовлена к публикации 11.07.2024.*

Material resources

A few words about General Skobelev: (About the pamphlet by Mrs. Adam "General Skobelev") / Russian officer [pseudonym]. (1887). Geneva: type. "Common cause". 42 p. (In Russ.).
Aksakov, I. S. (1886). *Essays: in 7 volumes, 1*. Moscow: Printing House of M. G. Volchaninov (formerly M. N. Lavrov and Co.). 791 p. (In Russ.).

- Aksakov, I. S. (1887). *Essays: in 7 volumes*, 5. Moscow: Printing house of M. G. Volchaninov (formerly M. N. Lavrov and Co.). 675 p. (In Russ.).
- Bismarck, O. (2008). *Gesammelte Werke. Abteilung III: 1871—1898. Schriften*, 3. Paderborn: Ferdinand Schöningh. 659 S. (In Germ.).
- Bismarck, O. (2010). *Gesammelte Werke. Abteilung III: 1871—1898. Schriften*, 5. Paderborn: Ferdinand Schöningh. 678 S. (In Germ.).
- Bismarck, O. (2018). *Gesammelte Werke. Abteilung III: 1871—1898. Schriften*, 7. Paderborn: Ferdinand Schöningh. 681 S. (In Germ.).
- Bismarck, O. (2001). *Werke in Auswahl*, 7. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft. 807 S. (In Germ.).
- Chauvinismus und Panslawismus. (1886). *National-Zeitung*, 685: S. 1. (In Germ.).
- Chekhov, N. P. (1882). *Mikhail Dmitrievich Skobelev, his life and service to the motherland*. Moscow: Edition by N. K. Kodi and I. S. Matrosov. 81 p. (In Russ.).
- Der Moskauer Schriftsteller... (1886). *National-Zeitung*, 92: S. 2. (In Germ.).
- Der Panslawismus und Herr Katkow. (1887). *National-Zeitung*, 91: S. 1. (In Germ.).
- Der russische Ministerwechsel. (1881). *National-Zeitung*, 227: S. 1. (In Germ.).
- Die diplomatische Quarantäne gegen Rußland. (1882). *National-Zeitung*, 108: S. 1. (In Germ.).
- Die Große Politik der Europäischen Kabinette 1871—1914, 3. (1922). Berlin: Deutsche Verlagsgesellschaft für Politik und Geschichte. 454 S. (In Germ.).
- Die Kaiserbegegnung in Danzig. (1881). *Kölnische Zeitung*, 251: S. 1. (In Germ.).
- Die Woche. (1882). *Kölnische Zeitung*, 194: S. 1. (In Germ.).
- Eckardt, J. (1882). *Russische Wandlungen. Neue Beiträge zur Russischen Geschichte von Nicolaus I. zu Alexander III.* Leipzig: Verlag von Duncker&Humblot. 412 S. (In Germ.).
- Eckardt, J. (1881). *Von Nicolaus I. zu Alexander III. St. Petersburger Beiträge zur neuesten Russischen Geschichte*. Leipzig: Verlag von Duncker&Humblot. 426 S. (In Germ.).
- Feoktistov, E. M. (1991). *Behind the scenes of politics and literature (1848—1896)*. Moscow: Novosti. 460 p. (In Russ.).
- Finanzreform und Panslavismus in Rußland. (1881). *National-Zeitung*, 386: S. 1. (In Germ.).
- Frankreich. (1882). *Kölnische Zeitung*, 49: S. 1. (In Germ.).
- General Skobeleff. (1882). *Vossische Zeitung*, 85: S. 1. (In Germ.).
- Giers und Katkow. (1887). *National-Zeitung*, 194: S. 2. (In Germ.).
- Gortschakow's Rücktritt. (1882). *Vossische Zeitung*, 168: S. 1. (In Germ.).
- Graf Ignatiew, die Zustände in Rußland und der europäische Friede. (1881). *Kölnische Zeitung*, 38: S. 1. (In Germ.).
- Ignatiew's Aussichten. (1881). *Vossische Zeitung*, 233: S. 1. (In Germ.).
- K. P. Pobedonostsev and his correspondents; letters and notes. (1923). Moscow-Petrograd: State Publishing House. 439 p. (In Russ.).
- Katkov, M. N. (1877). The intrigue of strangers and their enemies against the Russian national feeling. *Moskovskie vedomosti*, 260. October 20. Available at: http://az.lib.ru/k/katkov_m_n/text_1877_intriga.shtml (accessed 13.05.2024). (In Russ.).
- Katkov und die russische Regierung. (1887). *National-Zeitung*, 184: S. 1. (In Germ.).
- Koni, A. F. (1922). *On the path of life*, 3 (1). (1922). Revel — Berlin: Type. t-va pech. i izd. dela Trud. 628 p. (In Russ.).
- Kropotkin, P. A. (1988). *Notes of a revolutionary*. Moscow: Moskovsky Rabochy. 544 p. (In Russ.).
- Letters of Pobedonostsev to Alexander III. The Central Archive of 1865—1882*. (1926). Moscow: New Moscow. 448 p. (In Russ.).

- Markevich, A. I. (1886). *I. S. Aksakov and his meaning: (Speech, chit. In the meeting of the Slav. A blessing. o-va)*. Odessa: Type. "Odessa. vestn.". 18 p. (In Russ.).
- Milyutin, D. A. (1950). *Diary of D. A. Milyutin. 1881—1882, 4*. Moscow: V. I. Lenin Type Library. 204 p. (In Russ.).
- Nemirovich-Danchenko, V. I. (1882). *Skobelev: personal memories and impressions of V. I. Nemirovich-Danchenko*. St. Petersburg: Type. Imp. Acad. Sciences. 358 p. (In Russ.).
- Pobedonostsev, K. P. (1886). *Aksakov [Obituary of Ivan Sergeevich Aksakov]*. St. Petersburg: Type. t-va "Societies. Benefit". 8 p. (In Russ.).
- Rundschau. (1887). *Teltower Kreisblatt*, 89: S. 1. (In Germ.).
- Rundschau im Auslande. (1882). *Norddeutsche Allgemeine Zeitung*, 84: S. 1. (In Germ.).
- Rußland und Polen. (1881). *National-Zeitung*, 175: S. 3. (In Germ.).
- Schweinitz, H. L. v. (1928). *Briefwechsel des Botschafters General v. Schweinitz*. Berlin: Verlag von Reimar Hobbing. 398 S. (In Germ.).
- Schweinitz, L. (2024). *At the court of Alexander III. Diary of the German Ambassador*. St. Petersburg: Eurasia. 352 p. ISBN 978-5-8071-0613-1. (In Russ.).
- Skobelev. (1882). *Kölnische Zeitung*, 54: S. 1. (In Germ.).
- Stenografische Berichte über die Verhandlungen des Deutschen Reichstags, 1*. (1886). Berlin: Verlag der Buchdruckerei der Norddeutschen Allgemeinen Zeitung. 677 S. (In Germ.).
- The leader of the reaction of the 60—80's. Katkov's letters to Alexander III. (1917). *Former*, 4: 3—32. (In Russ.).
- Waldersee, A. (1922). *Denkwürdigkeiten, 1*. Stuttgart, Berlin: Deutsche Verlags-Anstalt. 423 S. (In Germ.).

References

- Badalyan, D. A. (2010). *I. S. Aksakov and the newspaper "Rus" in the public life of Russia*. Author's abstract of PhD Diss. St. Petersburg. 26 p. (In Russ.).
- Badalyan, D. A. (2013). Polemics about the Zemsky Sobor in the Russian press of the early 1880s. *Proceedings of the St. Petersburg State University of Culture and Arts (see in books)*, 201: 27—36. (In Russ.).
- Bazanov, S. N. (2012). "Equal to Suvorov". *Military Historical journal*, 4: 77—78. (In Russ.).
- Bludnova, E. Y. (2006). N. P. Ignatiev on the Eastern (Balkan) question. *Bulletin of the RUDN. The series "International Relations"*, 1 (6): 95—99. (In Russ.).
- Dmitriev, S. S. (1941). Slavophiles and Slavophilism. *Historian-Marxist*, 1: 85—96. (In Russ.).
- Dudzinskaya, E. A. (1994). *Slavophiles in post-reform Russia*. Moscow: Russian Academy of Sciences, Institute of Russian History. 276 p. (In Russ.).
- Florinsky, M. T. (2013). *Russia: History and interpretation. In 2 volumes, 2*. St. Petersburg: Nauka. 670 p. ISBN 978-5-02-037120-0. (In Russ.).
- Glushkov, V. V. (2023). Generals M. D. Skobelev and A. N. Kuropatkin: the light and shadow of the Russian army! *Military Historical Journal*. 10.10. Available at: <http://history.milportal.ru/general-y-m-d-skobelev-i-a-n-kuropatkin-svet-i-ten-russkoj-armii/> (accessed 13.05.2024). (In Russ.).
- Gorinov, M. M. (2007). *State and public activities of Count N. P. Ignatiev: 1879—1908*. Author's abstract of PhD Diss. Moscow. 26 p. (In Russ.).
- Kanina, K. (2006). *Knight of the Balkans. Count N. P. Ignatiev*. Moscow: ZAO Tsentrpoligraf. 523 p. ISBN 5-9524-2470-8. (In Russ.).
- Khevroлина, V. M. (2006). Russian diplomat Count N. P. Ignatiev: personality, program, tactics. *Proceedings of the Institute of Russian History*, 6: 99—119. (In Russ.).

- Kirpotin, V. Ya. (1927). Katkov on the eve of the Polish uprising. *Zvezda*, 7: 141—152. (In Russ.).
- Kopelew, L. (2000). Am Vorabend des großen Krieges. In: *Russen und Rußland aus deutscher Sicht. 19/20. Jahrhundert: Von der Bismarckzeit bis zum Ersten Weltkrieg*. München: Wilhelm Fink Verlag. 11—109. (In Germ.).
- Kotov, A. E. (2024). “Egoism is the virtue of peoples”: Russian conservatives and the Slavic question at the turn of the 1880s — 1890s. *Modern science: actual problems of theory and practice. Series: Humanities*, 02: 34—39. DOI: 10.37882/2223-2982.2024.02.17. (In Russ.).
- Lammich, M. (1978). *Das deutsche Osteuropa-Bild in der Zeit der Reichsgründung*. Boppard am Rhein: Harald Boldt. 298 S. (In Germ.).
- Lenin, V. I. (1968). *Complete works: in 55 vols., 22. July 1912 — February 1913*. Moscow: Publishing House of Political Literature. 599 p. (In Russ.).
- Liszkowski, U. (2000). Von dynastischen Brücken zu Schutzdeichen gegen die russische Gefahr — Bismarcks Rußlandbild. In: *Rußland und Russen aus deutscher Sicht. 19./20. Jahrhundert: Von der Bismarckzeit bis zum Ersten Weltkrieg*. München: Wilhelm Fink Verlag. 111—145. (In Germ.).
- Lukoyanov, I. V. (2018). M. N. Katkov and the foreign policy of the Russian Empire in the reign of Alexander III (1880s). *Notebooks on conservatism. The Almanac*, 3: 232—244. — DOI: 10.24030/24092517-2018-0-3-232-244. (In Russ.).
- Maslin, M. A. (2018). On the issue of “protective nationalism” by M. N. Katkov. *Notebooks on conservatism. The Almanac*, 3: 13—24. (In Russ.).
- Medyakov, A. S. (2015). “Our Bismarck”? Russia in the politics and views of the “Iron Chancellor” of Germany. *Russian History*, 6: 63—84. (In Russ.).
- Polunov, A. (2015). Slavophil Ministry. Pobedonostsev and Count Ignatiev in the early 1880s. *Rodina*, 2: 31—34. (In Russ.).
- Sholokhov, A. B. (1922). The riddle of the death of General Skobelev. *Knowledge. Under the sign of Mars*, 3: 62—64. (In Russ.).
- Tsimbaev, N. I. (1978). *I. S. Aksakov in the public life of post-reform Russia*. Moscow: Publishing House of Moscow State University. 264 p. (In Russ.).
- Vakh, K. A. (2020). On the history of N. P. Ignatiev’s activity as Minister of Internal Affairs (1881—1882): based on the materials of the diary of Metropolitan Isidore (Nikolsky). *State Administration. Electronic bulletin*, 83: 5—21. DOI: 10.24411/2070-1381-2020-10106. (In Russ.).
- Vlasov, N. A. (2021). *Russia through the eyes of Bismarck*. St. Petersburg: Eurasia. 286 p. ISBN 978-5-8071-0548-6. (In Russ.).
- Vlasov, N. A. (2023). Image of Russian Pan-Slavism in German Official Press at End of 19th Century. *Nauchnyi dialog*, 12 (10): 326—343. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2023-12-10-326-343> (In Russ.).
- Zaionchkovsky, P. A. (1960). The attempt to convene the Zemsky sobor and the fall of the Ministry of N. P. Ignatiev. *History of the USSR*, 5: 132—133. (In Russ.).
- Zaionchkovsky, P. A. (1964). *The crisis of autocracy at the turn of 1870—1880*. Moscow: Publishing House of Moscow State University. 514 p. (In Russ.).

*The article was submitted 16.05.2024;
approved after reviewing 05.07.2024;
accepted for publication 11.07.2024.*